

# **Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 годы<sup>1</sup>**

**С. Н. Андреенков**

*Сергей Николаевич Андреенков*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8.  
E-mail: Andreenkov\_sn@mail.ru

*Аннотация.* В статье анализируется специфика трудового поведения колхозников Сибири в контексте осуществления аграрных мероприятий верховной власти в годы хрущевской оттепели. Рассмотрены факторы, влиявшие на трудовое поведение работников колхозов, его формы и роль в формировании аграрной политики государства. Установлено, что в функционировании колхозов наблюдались противоречивые тенденции. Шире стала использоваться материальная заинтересованность в труде селян, однако от мобилизационных методов решения хозяйственных задач государство не отказалось. Производственная и технологическая дисциплина в колхозах оставалась невысокой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве, возрастала. На трудовое поведение колхозников значительное влияние оказывало ведение личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Общественное хозяйство колхоза стало главным источником ресурсов для их развития. Рост оплаты труда в колхозе позволил крестьянам укрепить кормовую базу для своего приусадебного животноводства. Средства для ведения ЛПХ колхозники приобретали путем мелких хищений колхозной собственности. Крестьянство все еще сохраняло многие свои родовые черты, в первую очередь проявлявшиеся в трудовом поведении женщин, стремившихся больше внимания уделять домашнему хозяйству, а не колхозному. Государство, для того чтобы уменьшить отвлечение трудовых ресурсов в личный сектор аграрной экономики, периодически проводило кампании по ограничению размеров ЛПХ.

*Ключевые слова:* трудовое поведение, колхозы, колхозники, машинно-тракторные станции, механизаторы, личные подсобные хозяйства, аграрная политика государства, сельское хозяйство

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-185-203

Необходимость изучения заявленной темы обусловлена ее весомой ролью в решении важнейших для понимания отечественной истории вопросов: особенностей модернизации сельского хозяй-

---

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги» (<https://rscf.ru/project/24-28-00100/>)

ства, аграрных реформ, функционирования колхозно-совхозной системы. В советской историографии широко использовался термин «трудовая активность», под которым понимались содержание и степень участия человека в производственно-трудовой деятельности. К числу ее основных форм относили выполнение народно-хозяйственных планов, соблюдение трудовой и технологической дисциплины, участие в социалистическом соревновании (Смирнов, 1979: 25). При этом такие типичные для селян черты трудового поведения, как прогулы, опоздания на работу, пьянство, порча и хищения имущества предприятия, до начала перестройки оставались вне поля зрения ученых, так как не соответствовали преобладающим представлениям о моральном облике советского человека. Нарушение трудовой дисциплины соотносилось в сознании некоторых работников с пережитками прошлого (Гершанов, Никитинский, 1972: 320).

В перестроечной и постсоветской историографии исследователи аграрного строя СССР выдвигали противозаконные действия колхозников и рабочих совхозов на передний план и причисляли к формам крестьянского сопротивления государству. Так, В. П. Попов, анализируя политику укрупнения колхозов в 1950-е годы, практику массового забоя и разбазаривания скота в мелких сельхозартелях, которым предстояло объединиться, назвал «актом стихийного протеста крестьян против государственного насилия» (Попов, 1994: 32). По мнению Л. Н. Денисовой, крестьянство являлось «неудобным классом», который был «самым многочисленным и доминировал до середины 1960-х годов, определял менталитет общества, и именно от него зависели успехи или неудачи заявленных коммунистических побед» (Денисова, 2007: 393). Данные выводы, обладая значительным методологическим потенциалом, все же нуждаются в более весомой фактологической аргументации. Трудовое поведение крестьянства в послевоенное двадцатилетие с этой точки зрения исследовано довольно слабо.

Поведенческие стратегии селян на позднесоветском этапе изучены лучше. Проблема, в частности, проанализирована В. А. Ильиных во второй главе коллективной монографии о сельском населении Западной Сибири в 1960–1980-е годы (Ильиных, 2003). Автор выделяет три поведенческие стратегии работников колхозов и совхозов. Позитивной стратегии, или «ударничеству», противопоставлена негативная, связанная с систематическим нарушением трудовой дисциплины. Между двумя этими крайними формами трудового поведения находится работа без особого усердия, но и без видимых дисциплинарных нарушений. При этом все названные стратегии, по мнению Ильиных, вполне могли сочетаться. Преобладание той или иной формы трудового поведения зависело от ряда факторов, в первую очередь от эффективности действовавшей системы организации и оплаты труда и мер борьбы против нарушений производственной дисциплины. Сделанные в исследовании выводы мож-

но использовать как методологию для анализа трудового поведения селян на других исторических этапах.

Цель настоящей статьи — определить особенности трудового поведения (трудовой активности) колхозников Сибири в контексте реализации аграрных мероприятий государства в период хрущевской оттепели. Выбор данной социальной группы обусловлен ее значительным удельным весом в структуре населения. К концу 1950-х годов колхозником являлся каждый пятый житель Сибири и каждый третий ее селянин<sup>2</sup>. Заявленную цель мы предполагаем достичь путем выявления и анализа факторов, влиявших на трудовое поведение колхозников, его форм и роли в аграрной политике государства.

*С. Н. Андреевков*  
Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 годы

### **«Хлебная стачка» 1953 года**

В рамках аграрной модели, сложившейся в 1930-е годы, мобилизация ресурсов деревни, в первую очередь зерна, проводилась при опоре на характерные для доиндустриальной эпохи внеэкономические (повинностные) формы отчуждения аграрной продукции. Значительную долю валового сбора хлебов колхозы, являвшиеся организационно-производственной основой сельского хозяйства, отдавали государству в порядке натуральных поставок, имевших характер подати. В условиях принудительного и неэквивалентного обмена с государством крестьяне получали мизерные доходы от работы в колхозе и не были заинтересованы в развитии его хозяйства. Дисциплина и продуктивность труда колхозников оставались невысокими. Их повышения верховная власть добивалась главным образом с помощью моральных стимулов и репрессивных мер.

Материально-техническим обслуживанием колхозов занимались машинно-тракторные станции (МТС.) Услуги станций стоили довольно дорого и характеризовались низким качеством. Интенсивные методы хозяйствования использовали совхозы, но их вклад в сельхозпроизводство оказался небольшим. Важную роль в аграрной экономике играли личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения. Несмотря на мизерные размеры, для своих владельцев они являлись источником дополнительных налогооблагаемых доходов.

После завершения Великой Отечественной войны кардинальных системных перемен в функционировании сложившейся модели аграрного строя не произошло. В начале 1950-х годов она уже исчерпала свой потенциал. На достигнутом уровне производительности труда поднять производство зерна до объемов, позволявших формировать достаточные зерновые резервы и ускоренно развивать животноводство, не представлялось возможным.

2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 154–155.

После смерти И. В. Сталина в 1953 году аграрная политика государства существенно изменилась. «Коллективное руководство» указало на необходимость более широкого использования материальных стимулов к труду. Об их важности в сельском хозяйстве глава правительства Г. М. Маленков заявил на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года (Маленков, 1953). Но в практике руководства аграрным сектором экономики продолжали применяться административно-мобилизационные методы решения хозяйственных задач, хотя уже без репрессивной составляющей.

К продолжению использования мобилизационных механизмов развития сельского хозяйства Центр толкало, в частности, обострение в 1953 году зерновой проблемы. Хозяйства многих регионов СССР (Украинская, Казахская, Латвийская, Литовская ССР, Краснодарский и Алтайский края, Омская и Новосибирская области) не выполняли государственное задание по поставкам хлеба, и руководители данных республик, краев и областей просили верховную власть снизить хлебозаготовительные планы (Пивоваров, 2016).

Кризис хлебозаготовок 1953 года был вызван неурожаем зерновых культур (предыдущие два года также выдались недородными) и снижением темпов поставок зерна колхозами. В Новосибирской области в сентябре 1953 года райкомы КПСС информировали обком о том, что сельхозартели более чем десяти районов остановили сдачу зерна. Значительная часть крестьян в ней не участвует. В Тогучинском районе ежедневно на работы по хлебозаготовкам не выходит половина всех колхозников. На токах скопилось большое количество хлеба, который не вывозится на заготовительные пункты. Здесь он портится и разворовывается. Зерно, которое в первоочередном порядке должно быть поставлено государству, первым делом засыпается в семенные фонды хозяйства. На внутриколхозные нужды зерно закладывается в объемах, превышающих 15%-ный лимит. К 20 сентября хлебозаготовительное задание выполнено регионом только на 46%. Согласно сообщениям райкомов, подобные явления — результат «антигосударственных» действий председателей колхозов, «рассуждающих» о необоснованности хлебозаготовительных заданий и целесообразности удержания в хозяйствах более крупных объемов зерна<sup>3</sup>.

Описанное выше поведение колхозников, конечно, наблюдалось и раньше, но в 1953 году попытки противиться заготовкам были особенно заметны и имели долгосрочные последствия. Сдерживание сдачи зерна стало реакцией крестьянства на августовские заявления Г. М. Маленкова о развитии материальной заинтересованности. Данная установка была интерпретирована колхозниками как их законное право оставлять больше зерна в хозяйстве для выживания

3. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1455. Л. 69, 74.

во время возможного нового голода. Ситуация, при которой значительная часть колхозов отказывалась сдавать хлеб государству в нужных ему объемах и в установленные сроки, напоминая верховной власти «хлебную стачку», неминуемо повторялась бы каждый год. Ускорить ход хлебозаготовок путем репрессивного подавления «саботажников» в новых политических реалиях не представлялось возможным.

«Коллективному руководству» необходимо было располагать объемами хлеба, достаточными для удовлетворения потребностей и селян, и горожан, и государства в целом. Маленков видел выход из сложившейся ситуации в существенном повышении цен на колхозную продукцию, снижении нормативов натуральных поставок, расширении самостоятельности колхозов, создании условий для развития ЛПХ. Отмеченные меры были директивно оформлены в постановлении сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года. Кроме того, по распоряжению пленума выделялись значительные средства на развитие МТС для ускорения интенсификации колхозного хозяйства<sup>4</sup>.

Н. С. Хрущев увидел выход из сложившейся ситуации в освоении целинных и залежных земель на востоке страны и существенном расширении совхозной сети. Целина могла дать большой объем дешевого хлеба уже на следующий год. Немедленное и сравнительно недорогостоящее решение обострившейся зерновой проблемы было одним из важнейших условий выживания страны в развернувшейся Холодной войне, поэтому целинная программа в итоге стала осуществляться. Результат реализации продвигаемой Маленковым программы интенсификации сельского хозяйства, вполне обоснованной стратегии, можно было увидеть нескоро, и это обстоятельство являлось ее очевидной слабостью.

### **Трудовое поведение колхозников в середине 1950-х годов**

Претворение в жизнь аграрных инициатив «коллективного руководства» существенно повлияло на жизнь колхозников и функционирование сельского хозяйства в целом. В 1954 году центральным хозяйственно-политическим мероприятием стала кампания по освоению целинных и залежных земель на востоке страны, начавшаяся в рамках реализации решений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС<sup>5</sup>. Экономические последствия стремительного «наступления» на целину оказались весьма противоречивыми.

4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. документов. Т. 4: 1953–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 20–61.

5. Постановление пленума ЦК КПСС от 2 марта 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Целина внесла дисбаланс в функционирование механизма стимулирования колхозов через цены. Большую часть средств, выделенных на оплату стимулирующих хлебозакупок (закупочная цена на зерно была поднята в 9 раз), забрали сельхозартели целинных регионов Сибири. В условиях резкого роста производства зерна, обеспеченного за счет высокого плодородия целинных почв, на колхозы юга Сибири пролился «золотой дождь». Количество колхозов-миллионеров выросло в несколько раз. В Омской области их число увеличилось с 55 в 1953 году до 307 в 1954 году, или в 5,5 раза (Андреев, 2016: 67).

Работники целинных колхозов в течение нескольких лет являлись самыми состоятельными колхозниками в стране. В 1954 году в Алтайском крае стоимость трудодня в денежном выражении была выше, чем в 1953 году, в 3,8 раза (5,42 руб. против 1,39 руб. соответственно)<sup>6</sup>. Значительно увеличились и натуральные выплаты. Так, житель поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края И. С. Сапунов вспоминает: «Богатый был год 1954. Я с семьей 40 центнеров получил — это же целый амбар. По 10 кг на трудодень выдавали. А люди по 60–70 ц получали. Машинами возили» (Ильиных, Ноздрин, 1995: 257).

Колхозники Сибири все чаще пополняли личные амбары зерном, предназначенным для сдачи в фонды государства или общественного хозяйства колхоза. В целинных районах учет собранного с полей урожая был организован крайне плохо, и незаконное присвоение зерна стало здесь массовым явлением. О проблемах сохранности хлеба на целине журналистка «Литературной газеты» К. Кожевникова вспоминала: «Зерно было всюду. Его некуда было девать. Оно устилало дороги толстым желтым покровом, и ухватистые целинники с Украины собирали целые мешки дармового отличного корма для гусей, кур, которые стадами ходили во дворах. А наши, что из-под Воронежа, да Орла, да Тулы, пили напрапалу. Над всей целиной стоял густой мат и запах сивухи. Почему-то никто не знал, куда надо ехать и где сгружать хлеб. Ни сушилок, ни элеваторов»<sup>7</sup>.

Работники хозяйств незаконно присваивали общественное зерно в значительных объемах по всей стране. Так, в 1960 году в 16 областях и краях РСФСР по фактам хищения хлеба правоохранительные органы возбудили свыше 1,5 тыс. уголовных дел, по которым проходило 2 тыс. человек. Кроме того, на рассмотрение коллективов трудящихся и в товарищеские суды были поданы материалы на 1,2 тыс. человек, уличенных в мелких хищениях. Органы МВД,

---

ных земель» // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. документов. Т. 4: 1953–1957 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 160–191.

6. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1326. Л. 77; Д. 1658. Л. 61, 64.

7. Литературная газета. 1994. № 6. С. 19.

по неполным данным, изъяли у преступников 1,8 тыс. т похищенного зерна<sup>8</sup>.

В целинных регионах Сибири благодаря росту доходности колхозов численность колхозников заметно увеличилась. В 1954 году в Омской области число трудоспособных членов сельхозартелей стало больше на 5 тыс. человек, тогда как в предшествующем году оно сократилось на 3 тыс. человек. Селяне охотнее стали вступать в члены сельхозартели и реже отказываться от этого статуса. Если в 1953 году в области из рядов колхозников выбыло 2,6 тыс. человек, то в 1954 году — 2 тыс. человек<sup>9</sup>.

В то же время хозяйства старопахотных районов не получили шанса немедленно и многократно нарастить доходы, и их экономическое положение улучшилось не так значительно. В РСФСР трудодень подорожал только в 1,7 раза (1,86 руб. в 1954 году против 1,09 руб. в 1953 году). В 1954 году в СССР убыточными были 45% колхозов, 37% хозяйств выдавали на трудодень менее 1 руб., 40% — менее 1 кг зерна<sup>10</sup>. Большим числом низкодоходных сельхозартелей отличались, например, области Центрального Черноземья.

Дисциплина труда в колхозах оставалась низкой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве сельхозартели, возрастала. В 1953 году в Новосибирской области доля способных к труду членов колхозов, выработавших меньше минимума или не выработавших ни одного трудодня, составила 9,1%, в 1954 году — 10,5, в 1955 году — 11,7 в 1956 году — 10,5, в 1957 году — 11,7%, в том числе не имевших ни одного трудодня — 1,1%, 1,1%, 2,1%, 1,5%, 1,7% соответственно<sup>11</sup>.

При этом нормы выработки трудодней уменьшились. 23 июня 1954 года правительство приняло постановление «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников», разрешавшее общим собраниям сельхозартелей определять трудовую нагрузку для трудоспособных колхозников по своему усмотрению. В большинстве случаев собрания устанавливали пониженные трудовые минимумы. Так, 6 января 1955 года газета «Советская Сибирь» (Новосибирская область) сообщила, что в сельхозартели «Знамя коммунизма» Чановского района каждому трудоспособному работнику надлежало выработать 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200<sup>12</sup>.

8. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-527. Оп. 1. Д. 258. Л. 21–22.

9. Исторический архив Омской области (далее — ИсаОО). Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 1227. Л. 36.

10. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 27; Оп. 7. Д. 1326. Л. 77; Д. 1658. Л. 61, 64.

11. ГАНУ. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 60б.; Д. 2097. Л. 20б., 5, 70б.; Д. 2213. Л. 20б., 5, 70б.

12. Обязательный минимум трудодней // Советская Сибирь. 1955. 6 янв.

Увеличение числа колхозников, уклонявшихся от труда в коллективном производстве, происходило в основном за счет женщин. В Сибири с 1954 по 1955 год удельный вес колхозниц, не выполнявших трудовую норму, увеличился с 18,9 до 20,4%, или на 1,5 процентных пункта. Наибольших значений этот показатель достиг в Омской области (+3,6 п. п.), наименьших — в Иркутской (+0,4 п. п.). В Читинской области, Якутской и Бурят-Монгольской АССР, Тувинской АО процент женщин, уклонявшихся от работы в колхозах, наоборот, сократился. Это обуславливалось тем, что в 1954 году для женщин данных регионов установили существенно более низкий минимум трудодней<sup>13</sup>.

Невыход женщины на работу не всегда был связан с уходом за детьми и другими уважительными причинами. Многие колхозницы активно занимались домашним производством. Так, согласно материалам проверки деятельности колхозов Чановского района Новосибирской области, проведенной партийными органами, в 1954–1955 годах в сельхозартели «Сталинский путь» минимум трудодней регулярно не выполняли 35 женщин. Они вязали пуховые платки и продавали их на рынке. Для части женщин работа в колхозе не имела большого значения из-за возросшей зарплаты их мужей. Например, 12 колхозниц были замужем за трактористами, заработок которых возрос. В этом плане весомую роль играл и социальный статус супруга. На работы в колхоз не выходили жены трех коммунистов, в том числе жена секретаря парткома Чехлова, работавшего кладовщиком. На общем колхозном собрании Чехлов заявил: «Моя жена как не работала в колхозе, так и не будет работать»<sup>14</sup>. Из-за уклонения женщин от работы в колхозе страдало общественное овощеводство и животноводство, где преобладал ручной женский труд.

В середине 1950-х годов доходность ЛПХ возросла, так как ослаб налогово-податной прессинг государства: уменьшились нормы обложения сельхозналогом, расширился контингент лиц, пользующихся льготами по его уплате, снизились объемы обязательных поставок. По темпам роста производства мяса, яиц, шерсти личный сектор аграрной экономики опережал общественное хозяйство. В 1953–1956 годах в ЛПХ Западной Сибири производство мяса выросло на 57%, яиц — на 64%, шерсти — на 94%. В колхозах выпуск мяса поднялся на 11%, сборы яиц уменьшились на 12%, настриг шерсти упал на 10%. Зато в сельхозартелях повысилось производство молока. Его объемы здесь за три года поднялись на 47%, в ЛПХ — на 16% (Андреенков, 2016: 172–176, 238).

Для повышения дисциплины труда в колхозах и степени управляемости хозяйствами руководством страны приходилось возвращаться к практике борьбы (в более мягкой форме) с «тунеядца-

13. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1556. Л. 33–34.

ми», усилению партийного контроля над деятельностью хозяйств. В то же время активизировались старые и создавались новые механизмы материального поощрения хорошо работавших колхозников.

В 1955–1956 годах корпус колхозных председателей был «усилен» руководителями с опытом управленческой работы в промышленности и других сферах народного хозяйства, которые выступали как проводники политики партии в деревне (движение тридцатитысячников). Их организаторская деятельность должна была обеспечить увеличение трудовой отдачи колхозников и выполнение ими всех спускаемых сверху партийно-государственных указаний.

В 1956 году произошли заметные изменения в системе нормирования трудовой нагрузки и оплаты труда. Колхозным собраниям разрешили скорректировать уставы хозяйств, в частности, уточнить порядок определения минимумов трудодней. Эта работа проводилась под плотным контролем партийных органов, поэтому уставы поправили так, как было нужно власти. Трудоспособные мужчины, а также женщины, не имеющие малолетних детей, получали повышенные трудовые нормы. Для тех из них, кто без уважительных причин не выполнял установленную нагрузку, стоимость трудодня уменьшалась на 25%. Однако для колхозниц с малолетними детьми определялись пониженные нормативы. Несовершеннолетним, инвалидам и престарелым минимума не устанавливали. Порядок их материального обеспечения оговаривался отдельно. Крестьяне должны были получать авансы, а особо отличившиеся — дополнительные выплаты, определяемые по решению собрания<sup>15</sup>.

В 1956 году на авансовую оплату труда перешли более половины всех колхозов страны. В Красноярском крае в этом году подобные платежи практиковали 38% хозяйств, в 1958 году — 60%, в 1960 году — 76%. Высокодоходные сельхозартели стали использовать денежную оплату труда без трудодня. В Сибири удельный вес применявших ее колхозов колебался от 20 до 30% (Анисков, 1985: 325; Гущин, 1991: 125). Росту доходов колхозников и, соответственно, повышению их интереса к работе в общественном хозяйстве должно было способствовать совершенствование организации труда. В хозяйствах стали создаваться безнарядные звенья (5–7 чел.) с аккордно-премиальной авансовой оплатой. Специализировались они преимущественно на выращивании пропашных культур на небольших участках.

В середине 1950-х годов руководство страны начало кампанию по ограничению ЛПХ, полагая, что в связи с ростом общественного производства необходимости в ведении индивидуальных хозяйств у населения почти уже нет. Действительно, доля ЛПХ в совокупном доходе колхозной семьи снижалась. В Западной Сибири в 1953 году она составляла 43%, в 1958 году — уже 33%. Тогда как удельный вес зарплаток, получаемых от колхоза, в сумме доходов вы-

15. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

рос с 39 до 55% (Ильиных, 2001: 74–75). И все-таки до полного отказа от ЛПХ было еще довольно далеко.

Усиление давления на свое подсобное хозяйство колхозники почувствовали в 1956 году в связи с обновлением уставов сельхозартелей. В новых уставах фиксировалось уменьшение наделов у пенсионеров, а также у колхозников, члены семей которых работали в государственных организациях, находились на учебе, в армии или не выработывали минимум трудодней. В сельхозартелях «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области участок двора этой категории семей уменьшался с предусмотренных уставом в 1935 году 0,4 га до 0,1–0,15 га. Колхозники должны были сократить поголовье домашнего скота. Так, в указанном хозяйстве по старому уставу каждая семья имела право содержать две-три коровы, по новому — только одну<sup>16</sup>. С 1956 по 1959 год в Новосибирской области количество коров, приходящихся на 100 колхозных дворов, понизилось с 94 до 87 голов (–8 %) (Ильиных, 2001: 73, 75).

Но основной удар был нанесен по личным подсобным хозяйствам рабочих и служащих. Нормы содержания скота в них уменьшились более существенно. Сильнее всего от политики по ограничению ЛПХ пострадали жители городских поселений. Рабочих и служащих обязывали продавать животных государственным и кооперативным организациям.

Больше внимания верховная власть стала уделять развитию общественного животноводства. Упор делался на увеличение поголовья скота и птицы. Для этого пытались укрепить кормовую базу путем распространения посевов кукурузы и других пропашных культур, использовать разные организационные новшества, шире применять машинную технику. При осуществлении планов по подъему животноводства допустили немало волюнтаристских ошибок. Возможности реальной интенсификации ограничивало отсутствие современных эффективных технологий и заинтересованности значительной части животноводов (по-прежнему преимущественно женщин) в развитии отрасли. Тем не менее уровень механизации ферм вырос. Нельзя недооценивать и действительно ударный труд многих скотников, доярок, свинок. Например, в 1954 году доярки колхоза «Советская Сибирь» Москаленского района Омской области получили от каждой коровы 3100 кг молока, или на 772 кг больше, чем в 1953 году. В последующие годы этот успех был развит (Анисков, 1985: 295). В колхозах увеличилось производство и молока, и мяса, хотя и не так существенно, как того хотела верховная власть.

Если большинство женщин стремилось больше уделять внимания домашнему производству, то мужчины старались увеличить выработку трудодней, что делалось ради получения дополнительного

16. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89; По решению общего собрания колхозов // Советская Сибирь. 1956. 6 мая.

заработка, необходимого опять же для ведения подсобного хозяйства (для лучшего обеспечения личного скота и птицы кормами, покупки инструмента, строительных материалов и т. д.). В 1950 году в колхозах Сибири доля трудоспособных мужчин, не выработавших обязательного минимума трудодней, составляла 2,1%, в 1954 году — 2,3%, в 1955 году — 1,9%<sup>17</sup>.

Росту доходов колхозных семей способствовало зачисление, согласно постановлению сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года, значительной части механизаторов-колхозников в штат МТС, где они стали получать денежную зарплату от государства по гарантийному минимуму, нормы которого были увеличены.

Труд мужчин в общественном производстве в основном был связан с машинной техникой, большая часть которой концентрировалась в зерновом хозяйстве. Вспашка, боронование, посев, уборка, транспортировка урожая являлись сравнительно простыми операциями. За счет них можно было проще выработать сверхнормативные гектары мягкой пахоты (условная единица измерения объема работы МТС) для получения дополнительного вознаграждения и внимания общественности. В середине 1950-х годов советские газеты пестрели сообщениями о трудовых подвигах механизаторов, покорявших целину. И их достижения не были выдумкой. В 1954–1957 годах в МТС Сибири выработка на один трактор увеличилась по сравнению с предыдущим четырехлетием на 29%, на один среднесезонный комбайн — на 10% (Анисков, 1985: 294).

В то же время в животноводстве, овощеводстве, возделывании технических культур машинная техника использовалась слабо. Для проведения механизированных работ здесь в сравнении с производством зерна необходимо было использовать специальные машины, которые оставались в дефиците. Подготовленных для них операторов также не хватало. В целом в МТС технических и кадровых ресурсов для комплексной интенсификации колхозного хозяйства оказалось недостаточно. Необходимого уровня концентрации сил и средств не удалось обеспечить ни в старопашотных, ни в целинных районах.

Объемы финансирования программы развития МТС сокращались при одновременном наращивании капиталовложений в совхозы. В 1954 году в РСФСР на сооружение в МТС объектов производственной и социальной инфраструктуры было израсходовано 1710 млн руб., в 1955 году — 1336 млн, в 1956 году — 1305 млн руб. В 1957 году на данные цели запланировали ассигновать только 557 млн руб.<sup>18</sup> На станциях так и не были созданы условия для высокоэффективного и долгосрочного труда механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

17. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

18. Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 164. Л. 2.

Квалифицированные кадры стали уходить на работу в совхозы, промышленные предприятия, органы хозяйственного управления. Правительство попыталось перенаправить этот поток в колхозы. В 1955 году в члены сельхозартелей зачислили большую часть трудоустроенных в МТС специалистов сельского хозяйства, в 1958 году — механизаторов. В 1958–1960 годах колхозам на возмездной основе передали имущество и машинный парк станций. МТС были преобразованы в ремонтно-технические станции (РТС).

### **Трудовое поведение колхозников в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов**

В конце 1950-х — первой половине 1960-х годов руководство страны видело решение многих проблем развития сельхозпредприятий в укрупнении производственных единиц и их структур. Организация крупного хозяйства соответствовала коммунистической доктрине. С помощью больших предприятий можно было ускорить капитализацию сельхозпроизводства, быстрее освоить необжитые малонаселенные территории, повысить заработок селян. В связи с этим многие сельхозартели объединяли в одно предприятие. Экономически слабые хозяйства преобразовывали в совхозы.

Однако минусов у крупных производственных форм также было немало. В больших сельхозпредприятиях организовать оперативное внутривозьезное сообщение и управление подразделениями оказалось крайне сложно. Тормозилось развитие звеньевой системы организации труда. Работники хозяйств быстрее теряли связь с результатами своей производственной деятельности, быстрее снижался их интерес к развитию общественного хозяйства. Государство оказалось не в состоянии обеспечить необходимый объем финансирования каждому хозяйству.

В колхозах условия для жизни и производственной деятельности механизаторов оказались хуже, чем в бывших МТС. Уровень оплаты их труда снизился. В конце 1950-х — начале 1960-х годов хозяйства не располагали средствами, достаточными для его повышения. Значительная часть доходов передавалась государству в качестве платежей за полученную от МТС технику. От колхозов требовали рассчитаться за технику как можно быстрее. Поспешная ее оплата подорвала финансовую систему значительной части сельхозартелей. В целинных районах Сибири уменьшению доходности колхозов способствовало также снижение урожайности зерновой нивы, обусловленное истощением естественного плодородия почв. Отток квалифицированных кадров из колхозов усилился. В сельхозартелях Алтайского края с 1959 по 1964 год число трактористов-машинистов, комбайнеров, шоферов уменьшилось на 15% (Казанцев, 1977: 215).

Машины в колхозах использовались неудовлетворительно. В 1964 году в Алтайском крае дневная выработка одного условного трактора была в два раза ниже, чем в МТС в 1957 году (Казанцев, 1977: 211). Порядок эксплуатации и хранения техники зачастую не соблюдался. Серьезной проблемой стала организация ремонта машин. Услуги РТС отличались низким качеством и стоили недешево. Ремонтных мощностей станций для удовлетворения всех потребностей колхозов не хватало. Значительная часть сельхозартелей игнорировала услуги РТС, предпочитая ремонтировать технику своими силами, то есть кустарным способом, который обходился им гораздо дешевле.

В дефиците оказалась широкая номенклатура запчастей, инструментов и материалов, необходимых для обслуживания и ремонта техники. Для починки тракторов и комбайнов нередко использовались детали, полученные в результате разукomплектования старых машин. Особо востребованные материально-технические средства часто становились предметом теневой торговли. Поиск и приобретение дефицитных деталей и механизмов осуществлялись через специальных «торговых агентов».

Колхозники, несмотря на увеличение платы за труд, оставались самой низкооплачиваемой категорией населения. На рубеже 1950–1960-х годов рядовой работник сельхозартели зарабатывал в общественном хозяйстве в 1,5 раза меньше, чем рядовой работник совхоза, и на порядок меньше, чем колхозные руководители. Так, в 1959 году в сельхозартели им. Ленина Горьковского района Омской области среднемесячная зарплата председателя составила 4434 руб., бухгалтера — 3563 руб., тогда как каждый трудоспособный колхозник в среднем получил всего 231 руб., или в 19 и 15 раз меньше<sup>19</sup>. Заработок председателя, главного агронома, зоотехника, бухгалтера зависел не от количества сданной государству продукции, по которому определялись суммы начислений простого колхозника, а от площади посевов и численности скота. В Сибири размеры хозяйств благодаря их укрупнению и распашке новых земель существенно возросли, поэтому колхозные начальники получали наибольшие заработки.

Рядовые работники искали дополнительный доход на стороне. В 1960 году в Омской области в райцентре Полтавка более 500 трудоспособных граждан нигде официально не работали и получали доход от кратковременного трудоустройства в различных учреждениях. В селе Малахово половина способных к труду жителей (свыше 50 чел.) зарабатывали на жизнь продажей продукции со своих личных хозяйств и деятельностью по найму<sup>20</sup>.

Негативные явления в сельхозпроизводстве верхняя власть пыталась преодолеть посредством проведения мероприятий эконо-

19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 269. Л. 120.

20. ИсАОО. Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 22.

мического характера. В начале 1960-х годов правительство снизило налогообложение колхозов, улучшило условия их кредитования, уменьшило «выкупные платежи» за технику, расширило объемы использования сдельной оплаты труда, повысило закупочные цены. Так, в соответствии с правительственным постановлением от 17 мая 1962 года с 1 июня этого года расценки на скот и птицу поднимались на 35%, на животное масло — на 10%, на сливки — на 5%<sup>21</sup>. В 1964 году была введена гарантированная государством система социального обеспечения колхозников. Перечисленные меры позволили оздоровить ситуацию в хозяйствах и поднять заработок их работников.

В 1962 году у селян появилась возможность приумножить доходы от ведения личного подсобного хозяйства. Постановление правительства от 17 мая позволяло владельцам ЛПХ, как и колхозам, реализовывать свой скот, птицу и животноводческую продукцию по повышенным ценам. Шанс подзаработать на новых закупочных ценах колхозники, рабочие и служащие использовали в полной мере. Они увеличили поголовье скота и объемы его продажи государству и кооперации. По данным доклада ЦСУ об итогах обследования бюджетов населения 30 сентября 1962 года, число КРС в подворьях колхозников возросло относительно показателей 30 сентября 1961 года на 4%, в том числе коров — на 1%, свиней — на 2%, овец и коз — на 2%. Количество мяса и сала, проданного работниками сельхозартелей государству и потребкооперации с января по сентябрь 1962 года, стало больше относительно этого периода 1961 года на 30%, 1958 года — на 3%, 1953 года — в 9 раз. В течение девяти месяцев 1962 года денежные поступления колхозников от данного источника доходов увеличились относительно этого же периода 1961 года на 30%<sup>22</sup>. Продажи продукции на рынке и доходы от них выросли не так существенно.

Развитие приусадебного животноводства было невозможным без усиления кормовой базы. В нее все шире входили хлебопродукты (печеный хлеб, мука, крупа, макароны), приобретенные владельцами ЛПХ в государственных и кооперативных магазинах. Рост их закупок стал возможен благодаря повышению денежных доходов селян от работы в общественном хозяйстве и увеличению объемов продаж хлебопродуктов предприятиями торговли. Кроме того, были снижены розничные цены на эти то-

21. Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 г. «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35733#o7337o12446342126> (дата обращения: 06.02.2024)

22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 153–155, 159–160.

вары. С 1 апреля 1954 года печеный хлеб, мука и макароны подешевели в магазинах в среднем на 7%. С января по сентябрь 1953 года каждая колхозная семья израсходовала на корм скоту 142 кг хлебной продукции, в этот же период 1958 года — 343 кг, 1961 года — 360 кг, 1962 года — 376 кг. Из этого количества в торговых сетях было куплено 103, 185, 189 и 221 кг хлебопродуктов соответственно<sup>23</sup>.

В 1963 году власть ужесточила политику по отношению к ЛПХ. Вновь были приняты меры по ограничению развития приусадебного животноводства рабочих и служащих. Ужесточалось наказание за скармливание скоту хлебопродуктов, купленных в магазинах государственной и кооперативной сети. Борьба с использованием гражданами магазинной продовольственной продукции в качестве кормов велась с 1956 года, но нужного эффекта не давала. Некоторые результаты работы по пресечению подобного рода преступлений демонстрирует отчет Министерства охраны общественного порядка РСФСР от 23 августа 1963 года. В нем сообщалось, что в течение первого полугодия этого года в Кемеровской области были установлены и осуждены в административном порядке 87 чел., скармливавших хлеб скоту и птице. За нарушение норм отпуска хлебопродуктов в одни руки административное наказание понесли 24 работника торговли, уголовное — 4<sup>24</sup>.

Осуществление мер по ограничению ЛПХ, принятых в 1963 году, способствовало сокращению объемов приусадебного производства. В Западной Сибири за год поголовье КРС в ЛПХ сократилось на 9%, свиней — на 28%, овец — на 31%<sup>25</sup>. Спад производства здесь усилил общую нестабильность обеспечения граждан продовольствием. Колхозы и совхозы в одиночку решить продовольственную проблему оказались не в состоянии. В октябре 1964 года, уже после отставки Н. С. Хрущева, решительного сторонника гонений на ЛПХ, были приняты меры по смягчению политики по отношению к индивидуальным хозяйствам. Новое «коллективное руководство» признало, что без них сельское хозяйство пока обойтись не может.

## Заключение

В рассматриваемый период в функционировании колхозов, как и всего сельского хозяйства, наблюдались противоречивые тенденции. Шире стала использоваться материальная заинтересованность в труде селян, прекратились репрессии. Но от адми-

23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 157–158, 161–162.

24. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 395. Л. 72.

25. Сельское хозяйство РСФСР: статистический сборник. М., 1964. С. 422–425, 428–433, 440–441.

нистративно-мобилизационных методов решения хозяйственных задач государство полностью не отказалось, что в значительной мере обуславливалось объективными обстоятельствами. Одним из них являлся кризис хлебозаготовок 1953 года, во многом спровоцированный нежеланием колхозников отдавать хлеб государству в третьем подряд неурожайном году. Эта «хлебная стачка» была последним «выступлением» крестьянства, изменившим политику государства в свою пользу. Благодаря аграрным мероприятиям «коллективного руководства» голод навсегда ушел в прошлое.

Производственная и технологическая дисциплина в колхозах, несмотря на существенный рост оплаты труда их работников, оставалась невысокой. Численность лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве сельхозартели, возрастала. На трудовое поведение колхозников значительное влияние оказывало ведение ЛПХ, отнимавшее немалый объем времени, сил и средств. Главным источником ресурсов для развития индивидуальных подворий становилось общественное хозяйство. Возросшая оплата труда в нем позволяла крестьянам улучшить кормовую базу для приусадебного животноводства. Значительные возможности для расширения ЛПХ создавал увеличившийся денежный заработок, который, в частности, открыл широкий доступ к дополнительному источнику кормов — магазинной хлебной продукции. Средства для ведения ЛПХ колхозники приобретали путем мелких хищений колхозной собственности. В целинных хозяйствах Сибири, получавших высокие урожаи хлебов, незаконное присвоение колхозниками общественного зерна получило большой размах. Государство, для того чтобы уменьшить отвлечение трудовых ресурсов в личный сектор аграрной экономики, периодически проводило кампании по ограничению размеров ЛПХ.

Крестьянство все еще сохраняло многие свои родовые черты, в первую очередь проявлявшиеся в поведении женщин, стремившихся больше внимания уделять домашнему хозяйству, а не колхозному. Хотя можно привести немало примеров ударного труда колхозниц на общественных полях и фермах. Для мужчин работа в общественном секторе колхозного хозяйства в связи с повышением уровня ее механизации (в первую очередь в производстве зерна) и оплаты становилась основным источником заработка. В то же время в производственной деятельности трактористов и комбайнеров было немало изъянов, выражавшихся в нарушении правил эксплуатации и хранения техники, ее производительность оставалась низкой. И причины этого крылись не только в недоработках руководителей и недостатках работников хозяйств, но и в ошибочных подходах власти к осуществлению аграрных преобразований.

- Андреенков С. Н. (2016). Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт.
- Анисков В. Т. (ред.) (1985). Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние.
- Гершанов Е. М., Никитинский В. И. (1972). Дисциплина трудовая // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 8: Дебитор-Евкалипт. М.: Советская энциклопедия. С. 320.
- Гущин Н. Я. (ред.) (1991). Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Денисова Л. Н. (2007). Государственная власть и колхозы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века: материалы Международной научно-практической конференции. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт. С. 392–403.
- Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. (1995). Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: Экор.
- Ильиных В. А. (2003). Организация и оплата труда. Трудовое поведение // Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН. С. 35–56.
- Ильиных В. А. (ред.) (2001). Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. / Т. М. Бадалян, В. А. Ильиных, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева. Новосибирск: Изд-во ИДМИ.
- Казанцев А. В. (1977). Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние. С. 204–216.
- Маленков Г. М. (1953). Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Хабаровск.
- Пивоваров Н. Ю. (2016). Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 — феврале 1954 г. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М. С. 311–320.
- Полов В. П. (1994). «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 1950-е — начале 1960-х гг.) // Отечественные архивы. № 1. С. 27–50.
- Смирнов В. А. (1979). Социальная активность советских рабочих (некоторые методологические и социологические аспекты проблемы). М.: Политиздат.

С. Н. Андреенков  
Трудовое поведение  
колхозников  
Сибири в контексте  
осуществления  
аграрной политики  
государства. 1953–  
1964 годы

### **Labor behavior of collective farmers in Siberia under the state agrarian policy in 1953–1964**<sup>26</sup>

Sergey N. Andreenkov, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian and Demographic History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Akademika Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090.  
E-mail: Andreenkov\_sn@mail.ru.

*Abstract.* The article considers the labor behavior of collective farmers in Siberia under the agrarian measures of the supreme power during Khrushchev's thaw. The author identifies factors that influenced the labor behavior of collective farmers, its forms

26. The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation. Project No 24-28-00100 "Social adaptation of the Siberian peasantry in the late 1920s — first half of the 1960s: mechanisms, forms, results" (<https://rscf.ru/project/24-28-00100>).

and role in the state agrarian policy, emphasizing contradictory tendencies in the functioning of collective farms. Thus, financial incentives were used more widely, but the state did not abandon mobilization methods for solving economic problems. Therefore, the production and technological discipline in collective farms remained at a low level; many villagers avoided working in the public economy. Personal subsidiary farms had a significant impact on the labor behavior of collective farmers, since the public economy provided main resources for their personal subsidiary plots. Increased wages at the collective farm allowed peasants to strengthen the feed base for their livestock. Collective farmers acquired means for personal subsidiary farming through petty thefts at the collective farm. The peasantry retained many of its past features manifested primarily in the labor behavior of women, who tended to pay more attention to their household than to the collective farm. To reduce the villagers' labor costs in the private sector of the agrarian economy, the state periodically conducted campaigns to limit the size of personal subsidiary plots.

**Key words:** labor behavior, collective farms, collective farmers, machine-tractor stations, machine operators, personal subsidiary farms, state agrarian policy, agriculture

### References

- Andreenkov S. N. (2016) *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946—1964 gg.: funkcionirovanie i reformirovanie* [Collective and State-Farm System in Siberia in 1946—1964: Functions and Reforms], Novosibirsk: Sibprint.
- Aniskov V. T. (Ed.) (1985) *Krestyanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [Siberian Peasantry under the Consolidation and Development of Socialism], Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Denisova L. N. (2007) Gosudarstvennaya vlast i kolkhozy [State power and collective farms]. *Gosudarstvennaya vlast i krestyanstvo v XX — nachale XXI veka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kolomna: Kolomensky gosudarstvenny pedagogichesky institut, pp. 392–403.
- Gershanov E. M., Nikitinsky V. I. (1972) Distiplina trudovaya [Labor discipline]. *Bolshaya sovetskaya ehntsiklopediya*, vol. 8, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, p. 320.
- Gushchin N. Ya. (Ed.) (1991) *Krestyanstvo i selskoe khozyaistvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and Agriculture in Siberia. 1960–1980s], Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Il'inykh V. A., Nozdrin G. A. (1995) *Ocherki istorii sibirskoi derevni* [Essays on the History of the Siberian Village], Novosibirsk: Ekor.
- Il'inykh V. A. (Ed.) (2001) *Ocherki istorii krestyanskogo dvora i sem`i v Zapadnoi Sibiri. Konets 1920-h — 1980-e gg.* [Essays on the History of the Peasant Household and Family in Western Siberia. Late 1920s — 1980s.], Novosibirsk: Izd-vo IDMI.
- Il'inykh V. A. (2003) Organizatsiya i oplata truda. Trudovoe povedenie [Labor organization and wages. Labor behavior]. Karpunina I. B., Melentyeva A. P., Il'inykh V. A. *Selskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-e gg. (faktory, tendentsii i rezultaty sotsialno-demograficheskoi adaptatsii)*, Novosibirsk: GUP RPO SO RASKhN, pp. 35–56.
- Kazantsev A. V. (1977) Reorganizatsiya MTS i formirovanie mekhanizatorskikh kadrov v kolkhozah Altaya (1958–1965 gg.) [Reorganization of MTS and machine operating personnel in collective farms of Altai (1958–1965).]. *Problemy istorii sovetskoi sibirskoi derevni*, Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 204–216.
- Malenkov G. M. (1953) *Rech na sessii Verkhovnogo Soveta SSSR 8 avgusta 1953 g.* [Speech at the Session of the Supreme Soviet of the USSR on August 8, 1953.], Khabarovsk.
- Pivovarov N. Yu. (2016) Strasti po tseline: politicheskaya borba vokrug tselinnogo proekta v iyule 1953 — fevrale 1954 g. [Disputes about virgin lands: Political struggle around the virgin lands project in July 1953 — February 1954]. *Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii: Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow, pp. 311–320.

- Popov V. P. (1994) "Vtoroi i vazhneishy etap" (ob ukрупnenii kolkhozov v 1950-e — nachale 1960-h gg.) ["The second and most important stage" (on the enlargement of collective farms in the 1950s — early 1960s)]. *Otechestvennye Arkhivy*, no 1, pp. 27–50.
- Smirnov V. A. (1979) *Sotsialnaya aktivnost sovetskih rabochih (nekotorye metodologicheskie i sotsiologicheskie aspekty problemy)* [Social Activity of Soviet Workers (Some Methodological and Sociological Aspects)], Moscow: Politizdat.

*С. Н. Андреев*  
Трудовое поведение  
колхозников  
Сибири в контек-  
сте осуществления  
аграрной политики  
государства. 1953–  
1964 годы